

Літаратура

1. Караткевіч, У. С. Збор твораў. У 25 т. Т. 3. Апавяданні. Казкі: 1946–1981 / У. Караткевіч; падрыхт. тэкстаў і камент. А. Вераб'я; рэд. тома Т. Шамякіна. – Мінск: Маст. літ., 2014. – 774 с.
2. Падстаўленка, В. Вобраз чарадзеяна-міфічнага выратавальніка ў казках Уладзіміра Караткевіча / В. Падстаўленка // Роднае слова. – 2023. – №4. – С. 17–19.
3. Passionarium: Теория пассионарности и этногенеза. Этногенез и этносфера Земли. Конец и вновь начало / Л. Н. Гумилёв. – URL: <http://jezmmm.ru/wp-content/uploads/2021/02/596648.pdf>. – Дата звароту: 06.01.2024.
4. Юнг, К. Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание : сборник / Карл Густав Юнг ; сост. П. С. Гуревич. – М. : Олимп; АСТ-ЛТД, 1997. – 400 с.

М. А. Палубец

Витебский государственный университет П. М. Машерова
УДК 821.111(73)-31:316.346.2

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РОМАНЕ М. МИЛЛЕР «ЦИРЦЕЯ»

Ключевые слова: зарубежная литература, современная американская литература, роман, мифологическая цитация, гендерные стереотипы.

Романы современного американского автора М. Миллер приобрели широкую популярность. М. Миллер, творчески интерпретируя сюжеты античной литературы и используя приёмы мифологической цитации, поднимает проблемы, актуальные для нынешнего социума. Одной из таких проблем становится роль женщины в обществе и гендерные стереотипы, которые ей навязываются. Об этом – роман М. Миллер «Цирцея».

M. A. Palubets

Vitebsk State University named after P. M. Masherov

THE PROBLEM OF GENDER STEREOTYPES IN M. MILLER'S NOVEL "CIRCE"

Key words: foreign literature, modern American literature, novel, mythological citation, gender stereotypes.

The novels of the modern American author M. Miller have gained wide popularity. M. Miller, creatively interpreting the plots of ancient literature and raises issues relevant to the current society using the techniques of mythological citation. One of these problems is the role of women in society and the gender stereotypes that are imposed on her. This is what the novel by M. Miller "Circe" about.

Представленные в романе М. Миллер гендерные стереотипы можно разделить на несколько основных категорий.

Факт рождения ребенка как возможность получения материальных благ.

Данная проблема отражает существующую в современном обществе негативную тенденцию: рождение детей с целью получения социальной помощи от государства или каких-либо благ со стороны мужчины. Иногда рождение ребенка женщины используют как причину удержать мужчину рядом, то есть как способ манипуляции. В романе «Цирцея» образом, отражающим данный стереотип, является мать Цирцеи Персеида. *«Позже, когда родилась я, он подарил ей вторую нитку, и еще по одной за двух моих братьев и сестру. Не знаю, что мать ценила выше – сами светящиеся бусы или зависть сестриц, на них глядевших. Она, наверное, так и собирала бы их целую вечность и под конец ходила бы уже как вол с ярмом на шее, но верховные боги ее остановили. К тому времени они поняли, кто такие мы четверо. Можешь родить еще детей, сказали они матери, только не от него. Но другие мужья янтарных бус не дарили. Она плакала тогда – в первый и последний раз на моей памяти»* [1, с. 9].

В предоставленном отрывке прямым текстом прописана значимость для женщины той выгоды, которую она получает, рожая ребёнка мужчине. Она не только довольствуется полученными благами, но и расценивает их как причину похвастаться ими перед другими представительницами прекрасного пола, тем самым ставя себя выше них.

«– Еще одно, – продолжил отец. – Как я уже сказал, очевидно, что эту новую силу породил наш с Персеидой союз.

Лицо матери победоносно блистало, пробиваясь сквозь застывший мне глаза туман.

– Поэтому решено: я не стану больше зачинать с ней детей.

Мать вскрикнула и упала навзничь сестрам на колени. Ее всхлипывания эхом отдавались от каменных стен» [1, с. 83].

В этом отрывке показана вся горечь от утраты занимаемого положения. Решение мужа, ещё и озвученное во всеуслышание, опустило её на несколько ступеней ниже в глазах всех присутствующих богов. Также это подтверждается следующим отрывком из произведения: *«Мать по-прежнему рыдала, окруженная стайкой сестер. Когда я приблизилась, она подняла голову, чтобы все видели, как прекрасно и безмерно ее страдание. Мало того, что ты уже сделала?»* [1, с. 83].

Ещё один персонаж, который родил на свет ребёнка ради получения выгоды, – Пасифая.

«– Боги послали белоснежного быка, дабы облагодетельствовать царство Миноса. Царицу восхитило это создание, и она пожелала рассмотреть его поближе, но он убегал, стоило кому-нибудь приблизиться. Поэтому я изготовил фигуру коровы, полую, чтобы царица

могла в нее сесть. Приделал ей колеса, и мы вкатили ее на берег моря, пока животное спало. я думал, это просто чтобы... Я не...

– Ну хватит, – выплюнула Пасифая. – Конец света наступит, пока ты добормочешь до конца. Я совокуплялась со священным быком, ясно? А теперь найди нитку» [1, с. 137].

Пасифая совокуплялась со священным быком и оставила ребёнка с целью манипуляции над собственным мужем, царём Миносом, так как считала, что только держа его в страхе, может добиться уважения и быть ценной, а не быть игрушкой для собственного мужа. Поэтому данный ребёнок был рождён исключительно ради собственной выгоды и был несчастен. *«Сестра расхохоталась – самым серебристым, журчащим своим смехом. Она все просчитала, как делала всегда. Минос бушевал, а я наблюдала за сестрой. Я поначалу решила, что совокупление с быком — это так, порочный каприз, но нет: не желания управляли Пасифаей, скорее она управляла с их помощью. Когда я в последний раз видела ее по-настоящему взволнованной? Вспомнилось, как во время родов Пасифая закричала, что чудовище должно жить, и лицо ее исказилось – так это было важно. Почему? Не из-за любви, в ней не было ни капли любви. Значит, чем-то это существо ей полезно»* [1, с. 147].

Украшения, преподносимые ей Миносом, Пасифаю не впечатляли, а родив этого ребёнка, она добилась популярности. *«Когда Пасифая выходила за Миноса, Крит был богатейшим и знаменитейшим из наших царств. Но с тех пор день за днем возносились новые могучие царства – Микены и Троя, Анатолия и Вавилон. А еще с тех пор один ее брат научился воскрешать мертвых, другой – приручать драконов, а сестра перевоплотила Сциллу. О Пасифае никто уже не вспоминал. И вот, одним махом, она заставила свою померкшую звезду засиять снова. Во всем мире станут рассказывать историю царицы Крита, создательницы и родительницы огромного плотоядного быка»* [1, с. 147].

Роль матери в воспитании ребенка

В современном обществе существуют две грани детско-родительских отношений: гиперопека и отсутствие надлежащего контроля.

Образом матери, излишне опекающей своего ребенка, выступает сама главная героиня Цирцея, которая мало того, что была сослана в изгнание на необитаемый остров, так еще с целью уберечь своего ребенка от внешней опасности создала защитный купол над островом, тем самым еще больше отрезая его связь с внешним миром. *«Я тяжело дышала от усталости, но медлить не собиралась ни секунды. Так и не отвязав от себя Телегона, я взобралась на высочайшую вершину – узкий каменистый уступ под нависшим небом. И, утвердившись на скале, прокричала:*

– Афина хочет убить мое дитя, и я его защищаю! Будьте свидетелями могущества Цирцеи, эйской колдуньи!

Зельем с кровью я окропила камни. Они зашипели, как расплавленная бронза в воде. Повалил белый дым, поднялся, расползся. Скопившись, образовал над островом огромный свод, сомкнувшийся над нами. Оболочку из живой смерти.

Если Афина явится, придется ей повернуть обратно, как акуле, заплывшей в пресные воды.

Под первым заклятием я наложила второе. Эти чары влетались в сам остров – в каждую птицу, и зверя, и песчинку, в каждый лист, камень и каплю воды. Всех их и все потомство в их утробах я отметила именем Телегона» [1, с. 274].

Такая гиперопека обуславливалась страхом. Цирцея боялась, что её ребенка у неё отнимут *«Появилось наконец то, что боги могут использовать против меня» [1, с. 263]* или навредят ему *«Откуда ты знаешь? – хотелось мне сказать. – Часто чем хуже у людей нужда, тем хуже потом их неблагодарность – они нападут на тебя, просто чтобы вновь почувствовать себя живыми» [1, с. 284]*. И не случайно, ведь в отличие от своих сестёр и матери её желание родить ребёнка было осознанным и не подпитываемым никакими скрытыми мотивами. Она зачала его от человека, которого полюбила. И не с целью его задержать рядом с собой, так как даже не сказала ему об этом, а с целью иметь рядом того, кому она будет отдавать свою любовь и кого будет оберегать. *«Твой отец сказал однажды, что хочет ещё детей, но ты появился не поэтому. Ты – для меня» [1, с. 258]*.

Цирцея до такой степени пыталась оградить сына от всего плохого, чтобы не травмировать его психику, что даже врала о его собственном отце, так как многие поступки Одиссея после рождения Телегона казались Цирцее жестокими и необдуманными. И она их перевирала, представляя Одиссея только в лучшем свете. *«И я плела очередную ложь. Упрекнул бы Одиссей меня за это? Я не знала, да и не хотела знать. Ради счастья сына я готова была и на худшее, гораздо худшее» [1, с. 282]*. Поэтому, когда Телегон захотел поехать на Итаку, чтобы повидаться с отцом, Цирцея осознала, что зря врала ему. Так она в большей степени разжигала внутри сына любопытство касательно того, какой же на самом деле его отец благородный и как много может ему дать знаний и отцовской любви. Цирцея встречает эту идею резко отрицательно и запрещает сыну покидать остров.

«– Я попытаю счастье.

– Не попытаешь, я запрещаю» [1, с. 290].

«– Мне все равно, что ты предпочтешь. Если ты так глуп, что собственную жизнь не бережешь, я сделаю это за тебя. Вернее, мои заклинания» [1, с. 292].

И самая важная фраза Цирцеи, полностью отражающая её отношение к детям: *«Дети не мешки с зерном, одного не заменишь на другого».*

Образам, представляющим стереотип о том, что матери не уделяют должного внимания своим детям, выступает сестра Цирцеи Пасифая, про которую говорится: *«Пасифаю выдавали замуж. Она давно уже просилась, то и дело, усаживаясь к отцу на колени, мурлыкала, как не терпится ей нарожать детей какому-нибудь достойному богу»* [1, с. 37].

Дети выступают как необходимый фактор. Рождаются они не по любви, а по необходимости. В данном отрывке стоит особенно обратить внимание на слово «достойному». Так как только кто-то достойный может щедро отплатить за рождение наследников. *«Пасифая всё заправляет на Крите, используя свои зелья, а меж тем целый корабельный экипаж мужу нарожала — полдюжины наследников да дочерей»* [1, с. 105].

Роль женщины в мужском обществе.

Здесь опять же можно провести сравнение двух персонажей — Цирцеи и Пасифаи.

Автор демонстрирует, что ни одна из девушек не довольствуется тем, что живёт в своё удовольствие и терпит к себе мужское пренебрежительное отношение, как, например, их мать. Обеих наяд их роль в мужском социуме не устраивала.

Что касается Пасифаи, то вначале она выбирает путь вроде бы «типичный» для наяды. Но после нам раскрывается её истинная сущность. Со стороны казалось, что в отцовском доме у Пасифаи не было никаких проблем и она жила в своё удовольствие. *«— Ты понятия не имеешь, кто такой Перс. Знаешь, как мне приходилось его ублажать? Что приходилось делать?»* [1, с. 162].

Пасифая, осознав своё положение в обществе, решила его поменять, не пререкаясь при этом с отцом и не испортив отношения с другими богами. Она поступила хитро: *«— Потом отец выдал меня за этого осла Миноса. Что ж, с ним я могла управиться — и управилась. Сейчас он загнан в угол, но я долго к этому шла и никогда уже не стану такой, как вначале»* [1, с. 161].

Пасифая раскрывает суть положения женщины в мужском обществе своим монологом: *«Давай я расскажу тебе правду о Гелиосе и всех остальных. Их не заботит, что ты хорошая. И вряд ли заботит, что ты дурная. Только сила заставляет их внимать. Мало быть любимицей дяди, ублажать какого-то бога в постели. Даже красивой быть мало, ведь когда ты придешь к ним, опустишься на колени и скажешь: «Помоги мне, я ведь была хорошей», они наморщат лбы. «Ах, дорогая, это невозможно». «Ох, дорогая, тебе придется к этому привыкнуть». «А Гелиоса ты спросила? Ты ведь знаешь, я ничего не делаю без его разрешения»* [1, с. 159].

Образ Цирцеи и события, происходившие с этой героиней, нам поэтапно раскрывают суть данного стереотипа. Сразу после рождения отец пророчит ей судьбу:

«— Она найдет себе достойного мужа.

– *Насколько достойного? – осведомилась мать.*

Она, наверное, утешилась бы, если б меня можно было обменять на что-нибудь получше» [1, с. 10].

С детства Цирцея старалась всегда находиться рядом с отцом, сидела у его ног и радовалась его малейшему вниманию. Она старалась беспрекословно ему повиноваться, чтобы не вызвать гнев. Так что полное повиновение и веру в то, что любовь можно заслужить послушанием, внушил ей отец. Что отразилось на ситуации с Главком. Она превратила его из человека в бога в надежде, что её поступок будет цениться и что это поможет им быть вместе до конца жизни. Но как только он становится богом, то сразу же забывает о любви к Цирцее и решает жениться на самой красивой наяде. Цирцея, не веря своему горю, бежит к нему и демонстрирует своё желание заслужить любовь. «– *Я стану для тебя лучшей. Я смогу угодить тебе, клянусь. Преданнее меня не найдешь. Я что хочешь сделаю» [1, с. 63].*

Цирцея, сгорая от ревности, превратила Сциллу в чудовище, надеясь на то, что Главк обратит на неё внимание, думая, что тот просто ослеплён любовью. Но после содеянного она подслушивает разговор Главка с отцом. «*Но в наших дворцах полно красавиц, одна другой спелее. Лучше на них посмотри ... Что ж, – сказал Главк, – благодарю тебя за прекрасный совет. Последую ему» [1, с. 68].*

После того, как Цирцею сослали на Эю, к ней стал прилетать Гермес. О его отношениях с Цирцеей говорится: «*Он хотел проверить, влюблена ли я по уши. Но от прежней моей бесхарактерности не осталось и следа. Днем я не лежала, мечтая о нем, ночью не шептала его имя в подушку. Он не был мне мужем, да и другом — едва ли. А был ядовитой змеей, равно как и я, и именно поэтому мы пришли друг другу по нраву» [1, с. 105]. «Мне многое позволялось, потому что это забавляло, но забавы в любой момент могли закончиться» [1, с. 107].* Этими отрывками показывается, как мужчины воспринимают женщин. Возможность открыто говорить о своих чувствах или даже испытывать их приравнивалась к потере мужского интереса, в результате чего женщина остаётся одна, опороченная и брошенная. «*Моя двойственность, конечно, его только раззадоривала. Всякий вызов был игрой, всякая игра – удовольствием. Люби я его, он давно исчез бы, но мое отвращение заставляло его возвращаться снова и снова. Он изо всех сил старался меня увлечь – приносил подарки и новости, развешивал передо мной историю Минотавра, хоть я и не просила» [1, с. 172].*

Последней каплей, подрывающей доверие женщины к мужчине, является надругательство над её телом. «*Мужчина толкнул меня к стене. Голова моя ударилась о шероховатый камень, и комната заискрилась. Я открыла рот, чтоб выкрикнуть заклинание, но он стиснул мне горло предплечьем, и звук заглох. Я не могла говорить. Не могла дышать. Пробовала отбиться, но он оказался сильнее, чем думалось, или*

я оказалась слабее. Его внезапная тяжесть ошеломила меня, его соляное тело, трущееся о мое. Разум все еще цеплялся за что-то, все не верил. Правой рукой, умелым движением, мужчина разорвал мою одежду. Лево́й продолжал, навалившись всем телом, сдавливать мне горло. Хотя я сказала, что на острове никого, он знал: лучше не искушать судьбу. А может, просто не любил криков» [1, с. 205]. Такая проблема, к сожалению, очень распространена и влечёт за собой глубокую психологическую травму. Единожды пережив насилие, Цирцея утрачивает доверие к мужчинам, начинает превращать всех приезжающих к ней людей в свиней. В жизни все происходит иначе. Однако причина изнасилований остаётся прежней: мужчины чувствуют, что могут себе позволить это. Они чувствуют свою безнаказанность, поэтому так действуют.

Сепарация и поиск себя

Данная тема также отчасти связана с материнством и детско-родительскими отношениями. В самом начале жизненного пути Цирцеи отец нарекает ей жениха Царевича. Если бы у неё была возможность остаться в родительском доме, возможно, так бы и сложилось. Однако судьбу она себе избрала иную. Изначально Цирцея тяготеет к людям, хотя боги считают их себе не ровней. Она ослушивается родных и помогает Прометею.

Впервые к поиску себя и полной сепарации от семьи Цирцею подталкивает Э́т.

«– Скоро. Отец жалует мне царство.

Я подумала, он шутит.

– А можно мне в нем жить?

– Нельзя, – ответил Э́т. – Оно мое. А ты должна обрести свое»
[1, с. 39].

Также именно Э́т открывает Цирцею, что она – колдунья, и снова подталкивает к поиску себя.

«Вот что я поняла: колдовство не божественная сила, приводимая в действие мгновенно, одной мыслью. Его нужно творить, нужно трудиться - замышлять и искать, выкапывать, сушить, крошить и растирать, готовить, приговаривать и припевать. Но и это все может не сработать, а у богов такого не бывает. Если растения недостаточно свежи, внимание мое рассеянно, а воля слаба, зелье в моих руках испортится, потеряет силу» [1, с. 92].

Её проблемы с родителями, вопрос о том, кто же она такая на самом деле, помогли ей и в воспитании своего ребёнка. Так как в конце концов она поняла, что, с чего бы ему оправдывать ее ожидания, если она ожиданий своих родителей не оправдала. Она надеялась, что её сын, как и она, станет колдуном, однако подобное его не интересовало. В конце концов, она учится понимать его стремление найти себя и делает всё, чтобы его сепарация прошла безболезненно. *«– Похоже, ты и вправду*

не колдун. Но ты – нечто иное. И это иное ты еще не отыскал. Потому и уезжаешь» [1, с. 297].

В результате Цирцея позволяет своему сыну пойти с Афиной, потому что это именно то, чего он желал. Тем самым обеспечивая ему счастливое будущее, которое он вправе построить себе сам. Она также определяет своё будущее, так как решает отказаться от колдовства. Вызывает отца на разговор, разрывает любые родственные связи и в конце концов становится смертной. Этот поступок отражает максимально болезненную сепарацию от родителей в современном обществе, но даёт надежду многим людям на самоопределение.

Таким образом, проблема гендерных стереотипов отражает историческое и культурное развитие общества. М. Миллер выбирает новаторский подход к художественной репрезентации данной проблемы: через обращение к сюжетам античной литературы (в частности, к поэме Гомера «Одиссея»), через использование архетипических образов и мотивов.

Литература

1. Миллер, М., Цирцея / М. Миллер; пер. с англ. Л. Трониной, – М : АСТ, 2024. – 432 с.

А. М. Пісарэнка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў

УДК 81'373.7:821.161.3:82-1/-19

МАЎЛЕНЧАЯ ТАЯМНІЦА ЗЯЗЮЛЬЧЫНЫХ СЛЁЗАК І АРЫЯДНІНАГА КЛУБКА: СТЫЛІСТЫЧНЫ АНАЛІЗ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ ВЕРШАВАНАЙ МОВЫ

Ключавыя словы: фразеалагізм, нарматыўная функцыя, аказіянальная функцыя, структурна-семантычныя змяненні, паэтычны кантэкст, стылізацыя маўлення.

У артыкуле разглядаюцца ўстойлівыя выразы, іх змест і функцыя ў розных відах паэтычнага кантэксту. Выяўлена, што фразеалагізмы як у рыфмаваных, так і ў нерыфмаваных вершах ужываюцца без змен (функцыя ўзуальная) і з аўтарскай апрацоўкай (функцыя аказіянальная). Таксама вызначаны прадуктыўныя і рэдкія прыёмы структурна-семантычнай трансфармацыі фразеалагізмаў.